

Тайхо исчезла за дверями дворца, унося с собой яд и холод своей ненависти. Тяжелые резные створки с глухим стуком сомкнулись, словно отсекая весь внешний шум и любопытные взгляды.

В теплых покоях дворца Цяньюань воздух, накаленный до предела, не стал легче — напротив, он сделался еще более вязким, пропитанным тяжелым предчувствием беды. Густой аромат лекарств и тепло угольев не могли рассеять невидимый, пронизывающий холод.

Сяо Чэ стоял, выпрямив спину, подобно одинокой вершине, застывшей посреди снежной бури.

Но Шэнь Янь, находившийся совсем рядом, отчетливо видел холодный пот, выступивший на его висках и поблескивавший в свете свечей. Видел вздувшиеся вены на кулаках, сжатых до побеления. Он чувствовал исходящую от него волну подавляемой, но все еще просачивающейся наружу боли — это жуткие ожоги от фосфорного огня на спине терзали его нервы.

Каждый вдох давался Сяо Чэ с трудом: малейшее движение грудной клетки отзывалось невыносимым жжением в израненной плоти.

Евнух Ван, А Ин и остальные слуги предусмотрительно удалились в дальние комнаты, оставив их наедине.

Воцарилась мертвая тишина. Лишь изредка в жаровне с треском лопались угли.

Се Цинъянь сидел на кушетке, не сводя глаз с напряженного, как тетива, силуэта Сяо Чэ.

Тот образ из заснеженного переулочка, когда император, не раздумывая, бросился в огонь, эти обжигающие слезы, этот отчаянный, надрывный крик — не бросай меня — впечатались в его память, словно клеймо раскаленным железом.

Страх и ненависть, оставшиеся от прежнего владельца тела, давно развеялись в этом трагическом объятии. А крепость разума, принадлежащая Шэнь Яню, пришельцу из другого мира, была пробита этим тяжелым, пропитанным кровью и слезами признанием.

Черт возьми, что за мыльная опера! — выругался про себя Шэнь Янь, хотя его логика программиста отчаянно сопротивлялась происходящему. — Тиран, привыкший рубить головы, ради какого-то там двойника — хотя теперь уже, кажется, и не двойника — лезет в огонь? И рыдает, как брошенный ребенок? Где же обещанная холодность и расчетливость? Где же императорская мудрость?

Но как бы он ни ворчал, глядя на Сяо Чэ, который, обливаясь потом от нестерпимой боли, упрямо отказывался показать слабость, Шэнь Янь почувствовал, что его хваленая прямолинейность дает трещину. Даже самый черствый человек не смог бы остаться

равнодушным, видя, как кто-то принимает на себя смертельную опасность и теперь страдает из-за него.

Особенно когда этот человек сбрасывает ледяную маску императора, обнажая израненную душу, жаждущую тепла.

Странное чувство, в котором смешались вина, жалость и необъяснимое раздражение, словно плющ, обвил сердце Шэнь Яня. Он отвел взгляд, но тут же невольно снова посмотрел на подрагивающую спину Сяо Чэ.

Ладно, будем считать, что я отдаю долг, — нашел он для себя крайне неубедительное оправдание. — Он спас мне жизнь, а я... я просто проявляю гуманизм! Да, гуманизм! И это никак не связано с ориентацией!

Внутри бушевала буря, но тело уже приняло решение раньше разума.

Когда Сяо Чэ в очередной раз едва заметно качнулся от приступа боли, Се Цинъянь пошевелился. Он поднял правую руку, которая пострадала меньше, и, преодолевая неловкость, с решимостью человека, идущего ва-банк, указал на свободное место на широкой кушетке из сандалового дерева.

Затем, крайне медленно, с едва уловимым колебанием и решимостью, он дважды похлопал ладонью по пустой стороне кушетки.

Хлоп-хлоп.

Звук был тихим, но в звенящей тишине покоев прозвучал отчетливо.

Жест был предельно прост, но до крайности двусмыслен. Пригласить императора разделить ложе? Это было неслыханно! Даже если бы Се Цинъянь не ненавидел Сяо Чэ, ни одна наложница не осмелилась бы на такую дерзость.

Сяо Чэ застыл, словно пораженный заклятием. Он резко повернул голову, уставившись красными глазами на руку Се Цинъяня, а затем перевел взгляд на его бледное, но спокойное лицо. Шок, восторг, недоумение и головокружение от свалившегося на него счастья бурлили в его глазах, словно кипящая лава.

Ты... — кадык Сяо Чэ судорожно дернулся, голос звучал сухо и хрипло, словно каждое слово было искрой. — Позволишь мне... лечь здесь? — Он указал на свободное место, и в его тоне сквозила такая осторожность, будто он боялся неверно истолковать жест ребенка.

Се Цинъянь почувствовал, как уши вспыхнули от его прямого, обжигающего взгляда. В голове снова зазвучало: Да что ты смотришь! Просто ляг отдохни! Неужели это так странно? Я же

вижу, что ты сейчас в обморок упадешь! Гуманизм, понятно?

Несмотря на мысли, лицо его оставалось бесстрастным. Он лишь слегка, но вполне уверенно кивнул, глядя прямо в глаза Сяо Чэ. В его взгляде не было смущения — лишь спокойствие и легкое нетерпение.

Этот кивок стал искрой, зажегшей фитиль.

Весь шок и неуверенность в глазах Сяо Чэ мгновенно поглотило пламя восторга. Огромная радость на миг притупила даже адскую боль в спине. Он почти споткнулся, делая шаг вперед, и, забыв об императорском достоинстве, сел на свободное место рядом с Се Цинъянем.

Кушетка под его весом слегка прогнулась.

Расстояние между ними сократилось до минимума. Сяо Чэ окутал его своим ароматом — смесью драконьей амбры, крови и лекарств.

Обжигающее тепло его тела, проникающее сквозь ткани одежды, заставило Се Цинъяня едва заметно напрячься.

Сяо Чэ, сев, потревожил рану и шумно выдохнул, а на висках выступило еще больше пота. Но он не обращал на это внимания. Повернувшись, он впился взглядом в профиль Се Цинъяня, словно хотел выжечь этот образ в своей душе.

Цинъянь... — прошептал он, и в его голосе слышалось странное, почти бредовое удовлетворение. — Ты... беспокоишься обо мне? — Это не был вопрос, это было робкое подтверждение своего счастья.

Се Цинъяню стало не по себе. Он отвернулся к танцующему пламени свечи, отказываясь отвечать на столь прямолинейный вопрос. Никакое я не беспокоюсь! Просто боюсь, что если ты упадешь в обморок, мне придется звать людей, а я не могу говорить! Хлопот не оберешься! — мысленно рявкнул он, пытаясь отогнать странное волнение.

Однако его молчание и слегка покрасневшие кончики ушей показали Сяо Чэ самым прекрасным ответом.

Холодное сердце императора в этот миг оттаяло. Уголки его губ поползли вверх в глуповатой, искренней улыбке, которую тут же исказила новая волна боли.

Я знаю... в глубине души ты все еще... — голос Сяо Чэ стал тише, в нем послышались нотки сдерживаемых слез. Он не стал договаривать, а лишь осторожно откинулся назад, пытаясь найти положение, в котором рана болела бы меньше. Каждое движение сопровождалось глухим стоном.

Се Цинъянь смотрел, как он неуклюже устраивается, сжав зубы от боли, и в нем снова всколыхнулось раздражение вперемешку с жалостью.

Он не выдержал, снова поднял руку, указал на толстую подушку и сделал жест, приказывающий лечь. Его брови были нахмурены, а во взгляде читалось не терпящее возражений: Ложись и не дергайся!

Этот властный взгляд не разозлил Сяо Чэ, а лишь вызвал еще большую улыбку. Послушно, с выражением почти блаженства, он медленно и осторожно лег, перенес вес тела на подушку.

Когда обожженная кожа коснулась мягкой опоры, острая боль немного отступила. Он облегченно выдохнул, и морщина между бровей разгладилась.

Он повернул голову, не отрывая взгляда от Се Цинъяня, словно не мог наглядеться.

Се Цинъяня от этого взгляда пробрала дрожь, будто он был добычей, за которой следит хищник. Еще раз посмотришь — возьму плату! — мысленно закатил он глаза и просто закрыл их.

Но даже с закрытыми глазами он чувствовал на себе этот обжигающий взгляд и слышал прерывистое дыхание Сяо Чэ.

В покоях воцарилась странная тишина. Тепло огня, аромат лекарств... Воздух был пропитан вязкой двусмысленностью. Два человека, которых разделяли реки крови и горы недопонимания, теперь делили одну кушетку: один, закрыв глаза, мысленно ругался, а другой жадно ловил каждое мгновение.

Сяо Чэ смотрел на густые ресницы Се Цинъяня, на его бледные от потери крови губы, на мерное дыхание... Небывалое чувство удовлетворения и покоя, словно теплый источник, разлилось по его сердцу, слишком долго скованному льдом одиночества и ненависти. Боль в спине все еще была острой, но теперь она стала терпимой.

Он осторожно, медленно протянул свою левую, неповрежденную руку и с трепетом, словно касаясь хрупкого фарфора, накрыл ею правую руку Се Цинъяня.

В момент соприкосновения Се Цинъянь едва заметно вздрогнул. Он чувствовал жар ладони Сяо Чэ и легкую шершавость его кожи.

Он хотел отдернуть руку. Разум Шэнь Яня вопил: убери ее! Сохрани достоинство! Но тело словно окаменело, позволяя этой горячей ладони лежать на своей.

Ладно... раненые важнее... пусть это будет просто моральная поддержка для больного... — сдался Шэнь Янь, находя для себя еще более нелепое оправдание.

Он по-прежнему не открывал глаз, но пальцы его руки, накрытой ладонью императора, едва заметно сжались, словно в безмолвном согласии.

Сяо Чэ, почувствовав этот жест, просиял. Это был восторг человека, вернувшего себе самое ценное сокровище. Он не смел пошевелиться, лишь нежнее прижал свою ладонь к его прохладной руке.

Время текло медленно, в тепле и безмолвной близости. Боль и усталость последних дней взяли свое, и сознание Сяо Чэ начало меркнуть.

Перед тем как провалиться в темноту, он прошептал — тихо, хрипло, с бесконечной нежностью и привязанностью:

...Цинъянь... не уходи...

Дыхание его стало ровным.

Се Цинъянь все еще не открывал глаз, чувствуя тяжесть руки на своей ладони и слушая его спокойное дыхание.

Свечи в покоях мерцали, отбрасывая на его лицо причудливые тени.

Прошло много времени, прежде чем он медленно открыл глаза и посмотрел на спящего императора.

Лицо Сяо Чэ во сне лишилось своей холодности и свирепости. Брови были слегка нахмурены, губы потрескались, а пряди черных волос упали на лоб, делая его облик беззащитным и хрупким.

Это лицо, четко очерченное в свете свечей, заставило даже такого непробиваемого циника, как Шэнь Янь, забыть о язвительных комментариях.

Тц... этот парень... когда спит, выглядит даже... симпатично? — эта абсурдная мысль некстати проскользнула в голове, но он тут же яростно ее отогнал. — Тьфу! Шэнь Янь, приди в себя! Это эффект подвесного моста! Стокгольмский синдром! Искажение эстетики из-за производственной травмы!

Он раздраженно отвернулся и снова закрыл глаза.

Но тяжелое тепло на руке, мерное дыхание рядом и этот уникальный аромат, смешанный с запахом лекарств, — все это, словно невидимые нити, уже обвило его.

За окном царила глубокая ночь.

Огни дворца Цяньюань освещали фигуры, спящие на кушетке в странной близости.

Все расчеты, ненависть и опасности временно отступили, оставив лишь этот крошечный островок тепла посреди боли и крови.

Двусмысленность, словно безмолвный плющ, разрасталась в каждом уголке покоев. А то самое чувство симпатии к Сяо Чэ, которое зародилось в сердце Шэнь Яня, было подобно камню, брошенному в стоячую воду: круги, разошедшиеся от него, уже никогда не утихнут.

<http://bllate.org/book/20749/2080031>